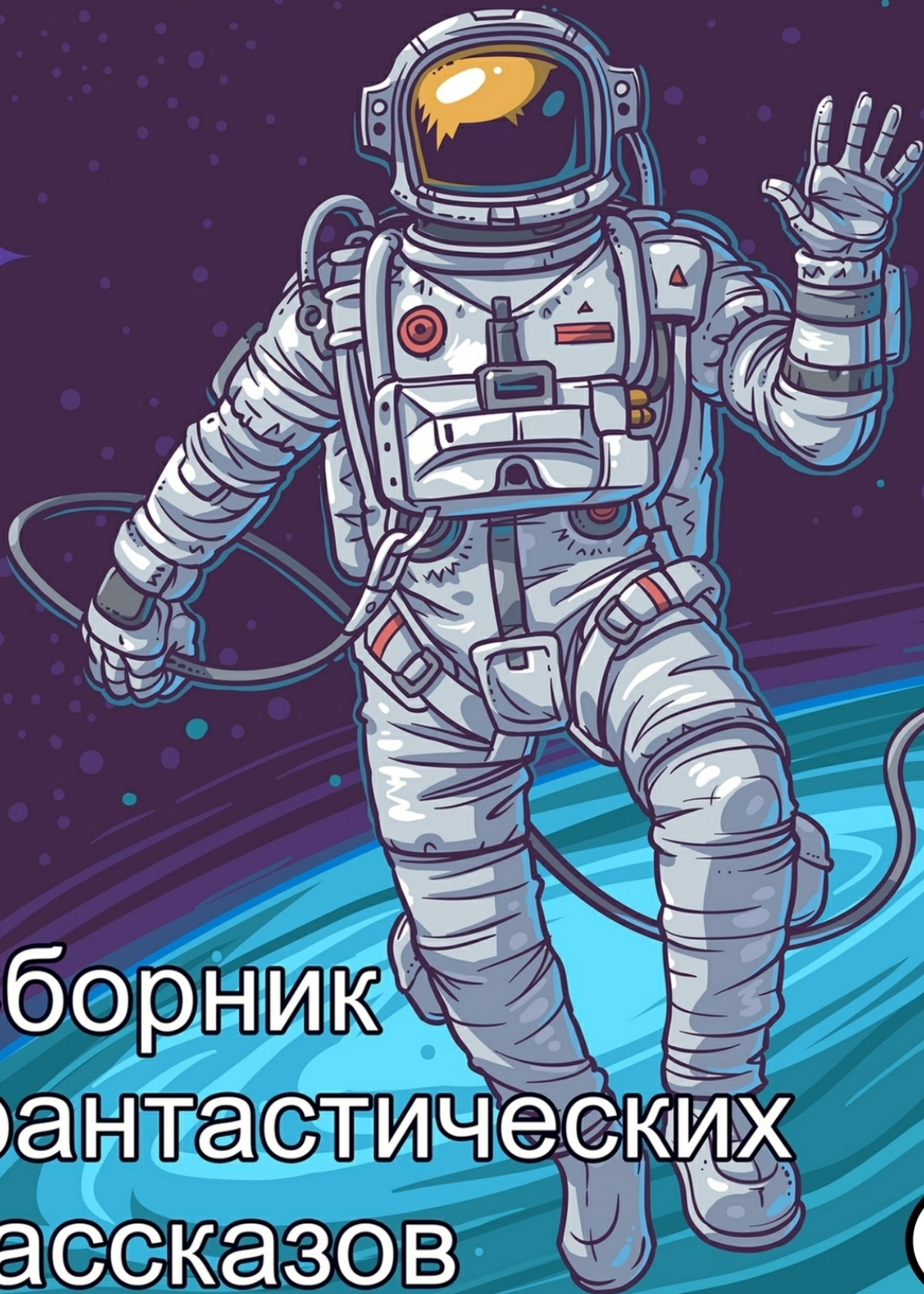

ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

Сборник
фантастических
рассказов

16+

Анна Орехова
День космонавтики

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Орехова А.

День космонавтики / А. Орехова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Сборник рассказов от авторов, мечтающих о космосе. Удивительная внеземная разумная жизнь и творцы вселенной, космические приключения и острые проблемы будущего, в которых различимо наше настоящее, — об этом и о многом другом вы прочитаете в сборнике.

Содержание

Заповедник (Павлова Виктория)	5
Эволюция (Павлова Виктория)	17
Таруко (Анна Янг)	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Заповедник (Павлова Виктория)

Часть первая. Все пропало

Сирена на шаттле орала и отказывалась отключаться. Чертова техника безопасности работала отлично. Компьютер вырубился, словно усмехаясь темным экраном прямо в лицо.

Черт побери, на борту два геолога и ни одного пилота! Даже для управления двухместным беспилотником нужны знания. Предполагалось, что все сделает программа, но из-за тревоги включилась аварийная система эвакуации и заблокировала управление.

Сэм потыкал в наладонник, оставляя следы крови, и стер их, листая «Краткое руководство к шаттлу RHFD-29г67b».

«Опасность бактериологического заражения превысила допустимые нормы. Шаттл будет уничтожен. Команда должна срочно эвакуироваться», – противный женский голос повторял это уже тысячный раз. Слова потеряли смысл и теперь воспринимались, как бесполезная вибрация воздуха.

– Уни-и-и-ичто-о-о-же-е-е-ен, – напевал Сэм и жал на все указанные сочетания клавиш. Пульт управления ни на что не реагировал, мигая красными лампами тревоги.

Забавно, когда-то он хотел петь, выводя рулады со сцены, но пошел учиться в Космическую академию. Теперь он пел, только когда нервничал.

Все так хотели высадиться на эту гребаную планетку RH-564 как можно скорее. «Залежи церия!» – кричал капитан. «Перспективная жила!» – вопил начальник экспедиции. «Невиданная прибыль!» – закатывала глаза финансовый консультант с Земли. Шли бы они со своими пароксизмами восторга на Ганимед: по слухам, там инфляция и эпидемия кори. И, конечно, в рабочем состоянии оказался только двухместный шаттл. Выговор главному инженеру скончался под градом пунктов экономии бюджета. Теперь они с Лией застряли в четырех тысячах световых лет от Земли на шаттле с автопилотом, который уводил прочь от корабля-матки прямо в открытый космос.

– Сэм, – голос Лии совсем ослаб: пятнадцать минут назад он ввел ей лошадиную дозу обезболивающего.

– Милая, я разберусь. Ты отдыхай.

Сэм не хотел оборачиваться и смотреть на жену. Освободить ее из скафандра не удалось...

Час назад они вышли из шаттла и успели пройти по поверхности не больше трехсот ярдов. Тварь обвилась вокруг ног жены, и пришлось сдирать ее лазерным резаком, иначе утянула бы в болото. Нож, штатный бластер и ярость не помогли, а вот резак на малой мощности – да. Пришлось пойти на это, несмотря на температуру воздуха плюс семьдесят по Цельсию и болота с горючими газами. Резак свое дело знал, оставляя рваные и грязные пятна на скафандре. И на теле жены. К этому времени она уже потеряла сознание...

Главное, добраться до лазарета на «Шакале», корабле-матке. Только вот чертов автопилот не хотел отключаться. Сэм заорал и отшвырнул книгу в сторону.

– Все плохо, да? – голос жены еле слышно прошелестел за спиной. Она лежала там, где он ее оставил – на полу у входного шлюза, и не могла даже отползти в сторону.

Хотя шаттл был маленький, ползти особо некуда. Инженерный отсек заблокировало из-за чертовой тревоги. А пока Сэм развлекался с резакком на поверхности «многообещающей» планеты, какая-то местная тварь из болота проявила чрезмерное любопытство к их кораблю – умудрилась прожечь слюной дюралевый фюзеляж и похозяйничать в отсеке. Его отрезало из-за разгерметизации, а обе капсулы вышли из строя. Эвакуироваться было не на чем.

Сэм все же обернулся и посмотрел на жену.

Ниже колен у Лии было месиво, кровь из порванного скафандра растекалась неровной лужей, но всегда можно смотреть на милое и любимое лицо, немного растерянное сейчас, словно Лия удивлялась, как ее занесло в разведывательную геологическую экспедицию, да еще так далеко от родной Системы.

– Автопилот не отключается. – Сэм снял с Лии шлем, а потом огромную перчатку и взял ее за руку. – Я отнесу тебя в капсулу. Все будет хорошо.

Можно дать ей все снотворное, какое есть в аптечке, а потом засадить себе бластером в грудь. Но как же хочется жить! Они хотели переехать на Юпитер, завести детей и ферму.

– Милый, обезболивающее не сделало из меня идиотку. С капсулами что-то не то, иначе мы бы уже летели на «Шакал».

Голос Лии тонул в визге сирены. Сэм наклонился поближе.

– Попробуй... перезагрузку. Резервная... система...

Сэм вскочил. Точно!

Через три минуты он справился с четырьмя двадцатисантиметровыми болтами и сорвал пластину под пультом управления. Разноцветные провода, словно жилы, тянулись к блокам и системам корабля, питая его электронное сердце – продукт разработки ученых и инженеров нескольких поколений. Если вырубить основной контур, включится резервный, это все равно что шатдаун системы.

Сэм надел перчатку от скафандра, оглянулся на неподвижную жену и рванул провода. Свет погас, сирена замолкла.

Через пять секунд темноты на пульте управления загорелась зеленая лампочка, а на мониторе появилась надпись «Перезагрузка...». Помигала и превратилась в «Перезагрузка завершена».

Чертов долбанутый корабль! Вези нас домой!

Часть вторая. Все пропало окончательно

Сэм проверил показания медицинского датчика жены. Прибор показывал вероятность инфекции. Горел красный индикатор с надписью: «Контактный источник заражения». Лия то ли спала, то ли была в обмороке – уровень кислорода в крови низкий, но вроде не критично. На всякий случай Сэм ввел еще плазмы и глюкозы из аптечки. Больше ничего сделать не мог, он не врач, а геолог, как и она. Может, от твари попал какой-то токсин в кровь и теперь нужна срочная ампутация? Или черт знает какая еще хрень происходит с Лией, пока они болтаются на шаттле. На корабле-матке есть целый медицинский комплекс. Как только Лия попадет туда, он успокоится. Будет любить ее, даже если она останется без ног. В конце концов, есть протезы, и даже протезы с искусственным интеллектом. Главное, чтобы она осталась жива, и чтобы ее не убило заражение.

– База, это Бёрк, – Сэм удивился, как жалко звучит его голос, и прокашлялся. – «Ковбой» возвращается домой.

В ответ послышались только помехи. Сверил частоту – все верно, но на всякий случай увеличил диапазон и повторил в микрофон позывные. Помехи утихли, база молчала.

Он вызывал «Шакал» еще раз двести, пока шаттл приближался к кораблю. Да что за черт? Вымерли они там, что ли?

– Эй, Бёрк, как вы там? – рация, наконец, ожила, и Сэм схватил микрофон.

– Даг, приятель, как я рад слышать твой голос!

Даглас Компински – старший помощник капитана, друг с Академии. Он все сделает правильно, поможет, не подведет.

– Даг, старина, мы возвращаемся. Лие нужна медицинская помощь. Пристыкуюсь через пять минут.

Рация молчала.

– Даг?

– Слушай, друг, мне очень жаль, – голос Дага звучал виновато, – но данные с вашего шаттла... Сканирование показало, что шаттл заражен.

– И что? У нас целых четыре врача! Они играли в преферанс всю дорогу! Пусть займутся делом!

– Приказ капитана, Сэм, прости.

Сэм поперхнулся слюной и замолчал, когда вспомнил намеки капитана на последнем собрании пару дней назад. Свод правил гласил: в случае физической, радиационной, бактериологической и иных видов угроз месторождение закрывается на карантин и переходит под ведомство ЦКВР (Центр Контроля Внешних Разработок), а уже если такое случилось, то частным добытчикам, вроде их капитана Смита, уже ничего не светило. Скорее даже отправляло в долговую яму, потому что не очень-то Земная Федерация заботилась о частных предпринимателях. Потеря шаттла и двух геологов – ерунда по сравнению с нулевой прибылью в конце года.

Микрофон пошуршал и бесстрастный голос капитана произнес:

– Шаттл эрэйчэфди двадцать девять, в стыковке отказано. Согласно Пункту двадцать Общего Положения о безопасности. Если попытаетесь пристыковаться, откроем огонь.

Сэм вспотел и посмотрел на жену. Она спала и не слышала этот бред. Или она уже умерла, и он умирает, или при смерти, и ему слышится бред. Стены поплыли перед глазами. Сэм глянул на датчики циркуляции воздуха. Так и есть: углекислого газа слишком много. На шаттле небольшой запас кислорода, он не рассчитан на долгое пребывание.

– Прости, Сэм, – снова раздался голос Дага.

– Прости?! Вы бросаете нас на верную смерть! Почему?!

– Церий, Сэм. Мы придумаем, как добраться до него, а если примем вас на борт, придется объявить планету опасной и закрыть. Никто этого не хочет, ты ведь понимаешь? Ты сам вызвался помочь. Ты и Лия. Вы станете героями, я обещаю...

Сэм уже не слушал. Он спрашивал Дага не об этом, а о его совести. Но двух геологов больше никто не вспомнит, как и всю эту историю. Они сделают вид, что экспедиция провалилась из-за неудачного приземления, ошибки пилота или неисправности на шаттле, но не признают, что отправили людей без должной подготовки, ведь тогда карантин отрежет доступ к жилам церия. Экспедиция разорится, капитан продаст корабль, чтобы оплатить счета, миллиарды жителей трех населенных планет солнечной системы не получат цериевые микрочипы для своих телефонов и наладонников.

Никто не хочет такого исхода, поэтому всем плевать на двух умирающих геологов.

Не будет детей и фермы на Юпитере. Ничего не будет!

– Сэм, если ты не изменишь курс через двадцать секунд, я испепелю шаттл. Пожалуйста, не заставляй меня это делать.

Голос Дага вплыл в сознание, как визг пилы – откровенно и беспощадно.

– Кислорода осталось на пару часов, – прохрипел Сэм в микрофон и усмехнулся. – Ты окажешь мне услугу, нажав на кнопку.

– Сэм, я не хочу тебя убивать.

– Но ты это делаешь, – прошептал Сэм и выключил связь. Он задал новый курс и застыл у пульта. Голова отяжелела, мысли ворочались, как огромные неповоротливые глыбы. Они бились внутри, причиняя физическую боль. Легче не думать ни о чем, просто прекратить думать.

– Милый, мы прилетели? – сонно просила Лия, и Сэм протянул руку к бластеру.

Ему понадобилось всего двадцать минут, чтобы набраться смелости. Или просто одуреть окончательно. Он думал обо всех кровавых авариях на дорогах, когда люди застревали в сплюснутых машинах с переломанными костями и раздробленными челюстями; несчастных случаях на космических верфях, когда части фюзеляжа будущего корабля срывались и размазывали десятки строителей, как мух по стеклу; трагедиях на добыче космического льда, когда плотные

глыбы размером с Манхеттен сминали в лепешку шаттлы с десятками и сотнями рабочих. Он думал о крови и кишках, которые плавали по космосу и будут плавать там тысячи лет. Думал об этом, чтобы перестать думать о Лие.

– Милый, просто скажи, как есть.

Как давно Лия на него смотрит? Она потянулась, но у нее не хватило сил, и рука упала. Сэм смотрел на тонкие пальцы с продолговатыми ногтями и понимал, что готов. Он мог пережить все, что угодно, только не ее смерть. Страх больше никогда не услышать ее голос заглушил нежность.

– Все хорошо. Мы возвращаемся на планету. На полюсах можно жить.

В конце концов, какие у них еще варианты? Задохнуться в шаттле? Или попытаться пристыковаться к кораблю-матке и погибнуть, мгновенно разлетевшись плазмой? На планете можно бороться за жизнь. Просыпаться утром и продолжать борьбу. Только вот один он не справится.

– Сэм? – в голосе Лии прорезалось беспокойство.

Прибор писал: «Большая область кровотока. Смерть наступит в течение двух часов». Сэм представил, как морщинка появилась у нее на переносице, но смотреть не стал. Он был готов. Настроил бластер на самый узкий диапазон и направил его на ноги Лии чуть ниже колен.

Нажал на кнопку. Лия закричала.

Обливаясь потом под оранжевым солнцем, Сэм тащил к шаттлу очередную убитую тварь – зеленую бесформенную зверюгу с желтым узором на упругой коже. Она напоминала земную змею, раздутую в талии неудачным пищевым экспериментом, и воняла серой, отчего вспоминались куриные яйца и урчал живот. О звезде, которая щедро поливала радиацией, Сэм старался не думать и рассматривал сухую землю и камни. Иногда останавливался и подбирал их с пыльной и горячей почвы с редкими кустиками колючей травы. Его беспокоило, что базальт и гранодиорит соседствуют, где не должны. Базальт – вулканическая порода океанического дна, а гранодиорит – горный камень. Вокруг на несколько сотен миль нет ни океанов, ни гор, ни одного заваливающего озера. Как эти камни могли тут оказаться?

Или это просто бред утомленного голодом и горем разума. Никакого базальта и гранодиорита тут не было, а мозг цеплялся за что-то знакомое и понятное, чтобы не дать хозяину сойти с ума.

Сэм отшвырнул камни и пошагал к шаттлу. Тварь болталась за спиной, противно шуршала об одежду и воняла серой.

Лия вздрогнула, когда Сэм швырнул тушку под панель управления.

– Прости, – он с тревогой глянул на жену. За последние три дня она явно потеряла в весе, стала бледнее, чем он мог представить, и ни разу не улыбнулась.

Лия сидела в кресле пилота и возилась с мобильным опреснителем воды. Вчера он вышел из строя, но Лия уверяла, что умеет чинить такие штуки. Спорить с ней желающих не нашлось, так что все найденные инструменты теперь валялись на мертвом пульте управления. После неудачной посадки этот шаттл больше не взлетит. Работал только аварийный маячок, но подбирать их никто не собирался.

– Как успехи? – Сэм сделал маленький глоток воды. Запасов на шаттле хватит еще на пару недель, если пить не больше полулитра в сутки. Потом останется только моча, и вот тогда-то опреснитель и понадобится.

– Было бы лучше, если бы меня не отвлекали бесполезными вопросами! – Лия хмуро разглядывала разобранный опреснитель.

Сэм молча направился к другому концу шаттла – всего-то семь шагов. Около двери, которая вела в отсек с эвакуационными капсулами, они устроили склад полезных вещей. Склад был маленький – сухой паек, хранившийся в шаттле, наверное, еще со времен первого полета на

Луну, биоанализатор, порядком разоренная аптечка, лазер с севшей батареейкой и книга «Полный регламент процедур и действий обслуживающего персонала шаттла типа RHFD, необходимых к выполнению при высадке экипажа геологоразведочных экспедиций на планетах категории 2А и 3Б», том шестой из восьми. Размышления о содержании книги отвлекали от мыслей о скорой и мучительной смерти. Особенно при посещении отхожего места. Почему-то туалетная бумага не входила в минимальный набор необходимых мелочей.

Комплект для ремонта скафандров и набор магнитов для работы в открытом космосе Сэм выкинул. Как и сами скафандры, предварительно вынув всю полезную начинку. Бластер он носил с собой, чтобы стрелять в зверюг.

Сэм выдвинул биоанализатор и достал из-за пояса нож. Пожалуй, парочка маленьких лапок твари вполне подойдут.

– Эта зверюга такая же бесполезная, как все предыдущие, – пробурчала Лия, откручивая от опреснителя деталь.

– Пока не попробуешь, не узнаешь, – Сэм спокойно осмотрел нож. В контейнере не должно оказаться посторонних частиц, только материал для анализа.

– Ты притаскивал уже с десятков. Ни одна из них в пищу не годится. – Лия чуть не оторвала деталь от опреснителя, и Сэм почти попросился с мечтой пить воду через две недели. Но Лия выглядела довольной, насколько это возможно в ее положении, и он снова посмотрел на нож. – Чего ты все не угомонишься?

– Мне не дает покоя та тварь на болоте. Почему она на нас напала? – Сэм достал предпоследнюю стерильную салфетку и протер нож. – И еще та, что прожгла фюзеляж. Если они не годятся для нас, то и мы не годимся для них. Но они напали. Почему?

– Откуда я знаю? Может, эти зверюги сошли с ума. Или мы раздавили их яйца. Или напугали детенышей.

– Да, ты права, – Сэм подошел к твари, прикидывая, как половчее отрезать лапки. – Возможно, ответ еще проще – мы просто зашли на их территорию.

– Когда на твою территорию вторгаются чужаки, – Лия пыхтела, выковыривая одну деталь из другой, – то их надо убивать!

Сэм смотрел на жену. Она с отчаянной безнадежностью пыталась починить то, что, скорее всего, сломано безвозвратно. Сэм злился на капитана Смита, который бросил их на произвол судьбы, на Дага, который запросто забыл обо всех годах дружбы и теперь, наверное, оправдывал себя благом для большинства и какой-нибудь статьей о предусмотренных потерях в своде законов ЦКВР, но больше всего он злился на себя за то, что не предусмотрел всего. И теперь не будет Юпитера и детей, а будет только смерть от голода, когда закончится сухой паек. Или от жажды. Судя по всему, опреснителю пришел конец.

Лия выглядела неплохо для человека, которому три дня назад отрезали ноги. Еще вчера она не могла даже руки поднять, а сегодня сидела, разговаривала и находила силы на злость и гнев. Сейчас она покрылась испариной и совсем позеленела от слабости, но все равно упрямо выкручивала детали.

Сэм все вспоминал историю, которую когда-то ему рассказал Даг. Его кузен попал в аварию и пролежал в реанимации три дня, а потом очнулся и выглядел словно огурчик – болтал с родственниками, сидел на кровати, ел и даже предлагал жене заняться сексом. Он умер ночью через пару дней. Врачи сказали, что у безнадежных больных часто случается всплеск активности незадолго до смерти. Кажется, что они идут на поправку, а потом тихо угасают за несколько часов.

Лия уронила раструб, и Сэм вздрогнул от громкого металлического лязга.

– Пошло все к черту! – Лия швырнула еще одну трубку в противоположную стенку. Кусок трубы чуть не угодил Сэму по голове. – И ты иди к черту, Сэм. Почему мы разговариваем,

будто все нормально? Почему обсуждаем будущее, которого не будет? Юпитер, детей. Ничего этого не будет.

– Думаешь, я этого не понимаю? – Сэму стало больно где-то внутри.

– Думаю, нет. Кажется, будто ты все еще надеешься на что-то. Но надеяться не на что! –

Лия хотела вскочить с кресла, но рухнула обратно. Обмотанные бинтами культы беспомощно висели в воздухе. – Мы сдохнем, когда закончится паек.

– Что мне еще сделать? Я сделал все, что мог для нашего спасения.

– Да! Ты отрезал мне ноги. И я буду благодарна тебе до самой смерти. Еще примерно пару месяцев!

Сэм вспомнил, как ломал себя, чтобы изувечить родное и любимое тело, ломал ради крохотной надежды на спасение. Возможно, он совершил ошибку, но не знал, как еще можно было остановить кровотечение и инфекцию.

– Несправедливо обвинять только меня. Ты тоже голосовала за высадку.

Лия изменилась в лице и схватила с пульта увесистую деталь. Сэму показалось, что воздух перед ним заколебался. Он замешкался, и деталь, брошенная Лией, угодила ему прямо в лоб. Наступила темнота.

Часть третья. Пропало все, кроме надежды

Эту арию Энрико Карузо Сэм услышал в раннем детстве, когда летал с родителями в отпуск на Землю. В Нью-Йорке Бёрки зашли в музей двадцатого века и попали на тематический оперный день Карузо. Именно из-за его бархатистого тенора Сэм полюбил музыку и больше не смог разлюбить.

– Сэм, проснись, – голос Лии прервал партию Отелло. Сэм растерялся: вспыхнул стыд и непонятное желание слушать Карузо дальше, а не разговаривать с женой. – Да проснись же.

Карузо замолчал, пришлось открыть глаза.

– Что происходит? – Сэм сел на кровати и наткнулся на испуганный взгляд Лии.

– Я проснулась полчасика назад, а ты все дрыхнешь.

Сэм огляделся. Он лежал на конструкции, которая притворялась кроватью – скорее это напоминало выцветший лепесток тюльпана, который подвесили в воздухе, рядом с другим таким же лепестком. В серой комнате, похожей на тюремную камеру, было мрачновато. Наверное, из-за мигающего освещения и странной штуки в центре, вроде похожей на стол, но почему-то кривобокой и пористой, словно пемза. Стоящие вокруг «стулья» походили на пеньки, заросшие мхом.

– Если это предсмертные галлюцинации, я бы не отказался от моря и пляжа. – Серость ответила очередным перемигиванием потолочных ламп. Сэм перевел глаза на Лию. Она стояла рядом в новеньком сером комбинезоне с кучей карманов. Стояла! – Что я пропустил?

– Представь себе, я тоже пропустила, когда у меня отросли ноги, – Лия задрала штанину и продемонстрировала одну целехенькую щиколотку, потом вторую.

Сэм сполз с «лепестка» и нерешительно застыл рядом с женой, разглядывая свой серый комбинезон, такой же, как у нее. Потом задумался. Ладно, какие тут могут быть обиды, когда вокруг не пойми что. Он подхватил Лию и посадил на «лепесток». Наклонился к оголенным щиколоткам, рассмотрел поближе.

– Как они могли отрасти? – Сэм тоже потыкал в щиколотки и снял с нее кроссовки, точные копии своих. Где обувь Лии он уже не помнил. Все пальцы были на месте – по пять на каждой ноге. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Хорошо, – Лия выглядела озадаченной. – Лихорадка прошла.

Сэм многозначительно хмыкнул.

– Ни следа. Даже шрамов нет, – он выпрямился, не веря своим глазам. Из-за этого облегчение не наступало, все казалось сном.

– Да, у тебя тоже, – Лия засмушалась, и в ответ на вопросительный взгляд Сэма добавила: – Я помню, что попала в тебя трубой. Не зря же в юности занималась спортом – биатлон и метания. У тебя должен был остаться хотя бы синяк, но ничего нет.

Лия несмело дотронулась до его лба, отбрасывая волосы. Сэм застыл. Последние дни были адом, и не хватало именно таких прикосновений, нежных и требовательных одновременно, словно Лия предъявляла права на то, чтобы дотрагиваться до Сэма в любое время, гладить и ласкать. Как раньше. Он схватил ее руку и прижал к губам, закрыв глаза. Фиг с морем и пляжем, тут лучше. Теперь он боялся, что галлюцинация рассеется и он проснется в разбитом шаттле с контузией и мертвой женой.

– Я не понимаю, что происходит. Мне страшно, – Лия съежилась, тревожно оглядывая серую комнату.

– Все будет хорошо, – Сэм обнял жену, надеясь, что она хорошенько его саданула и контузия продлится подольше.

В серой стене распахнулась дверь. В комнату зашел приземистый коренастый рептилоид, чем-то похожий на банковского работника. На ярко-синего банковского работника, словно воплотились мечты ребенка, дорвавшегося до красок, и он разрисовал фигурку жутким акваринамом. И так втянулся, что не стал отвлекаться на волосы, уши и прочие детали – чего-то невнятного посреди лица вполне хватило. На рептилоиде красовался черный «костюм» – брюки, пиджак, почти как дома на Марсе, только заузненные у запястий и щиколоток, а еще с обилием карманов. Рептилоид молча прошел к «столу», поставил на «пенек» портфель и начал выкладывать на «стол» бумажки. Против ожиданий, бумажки не соскальзывали, а словно прилипали к пористой поверхности.

Сэм, как зачарованный, наблюдал, за растущими кучками и сжимал Лию в объятьях.

Рептилоид остановился и повернулся к ним.

– Прошу, садитесь, – он указал рукой на «пеньки» с другой стороны «стола», убрал портфель на пол и сел, смотря прямо перед собой. Голос синего оказался скрипучим мелом, Сэм поморщился.

Сэм посмотрел на Лию, она пожала плечами. Оставалось только сесть на «пеньки».

– Я безмерно рад первому контакту с внеземной цивилизацией, – брякнул Сэм, усевшись на неудобный «пенек». Если это все-таки не галлюцинация, то за эти слова ему будет потом стыдно, особенно если их занесут в историю. Лия укоризненно покосилась. Точно, фраза неудачная.

– Вы меня не помните? – визитер терпеливо ждал ответа.

Сэм и Лия переглянулись и помотали головами.

– Что ж, начнем с начала. Меня зовут Ганде Пу. Я агент по восстановлению прав на Раштукишасгоссе.

– Что? – переспросил Сэм. Окончание реплики потерялось в скрипящих шипящих.

Ганде Пу протянул им клочок бумаги, который достал из кармана.

– Вот моя визитная карточка. Я на связи каждый третий четверг месяца, а также каждый понедельник по предварительной записи.

– Хм, спасибо, – Сэм взял протянутую карточку, наблюдая, как Ганде Пу мигает сначала одним веком – горизонтальным, а потом другим – вертикальным. – А я Сэм Бёрк, а это моя жена Лия.

Ганде Пу снова помигал, сначала так, потом по-другому.

– Вся информация о вас зафиксирована в протоколе, сохранена на электронный носитель и распечатана в пяти экземплярах – для судьи, защитника, обвинителя, секретариата и архива. Вам не стоит тратить время на повторения.

– Для обвинителя? – переспросил немного обалдевший Сэм.

– Повторения? – одновременно переспросила Лия.

Ганде Пу поморгал им.

– Гибернация при перелете оказала на вас незапланированное влияние – вы забыли события последних двух недель. Мы раньше не сталкивались с вашим видом и не знали о такой особенности. Я говорил с вами много раз, и получил все необходимые сведения. Вы помните обвинение?

– Обвинение? – Сэм напрягся.

– В соответствии с Законом Ги-Стоупурна о сохранении многообразия жизни и статьи три девять пять семь шесть восемь подпункт три три девять девять, – Ганде Пу вытащил из стопки бумажку и потряс ею в воздухе, – вы обвиняетесь во множественном убийстве редких животных на территории заповедника. Вот положение о создании заповедника. – Ганде Пу указал на стопку бумаг. – Некоторые из убитых вами животных были последними самками. Вы утверждаете, что убивали ради пропитания, но ни одна из жертв не соотносится с вашей пищеварительной системой и не входят в вашу пищеварительную цепочку. Вот заключение биологов, – он вытащил еще одну бумажку.

– Но это ошибка! – Сэм вскочил. – Мы не знали, что они несъедобны.

Ганде Пу снова поморгал.

– Ошибка это или нет – выяснит суд. – Он подвинул им кипу бумаг. – Пожалуйста, подпишите пять экземпляров добровольного согласия на рассмотрение дела. Я передам бумаги в инстанции.

– Но разве вы не защищаете наши права? – Лия еле удержала кипу от падения. – Разве вы нам не поможете?

– С чего я должен вам помогать? – Ганде Пу заморгал быстрее. Наверное, так он выражал удивление.

– Вы же агент по восстановлению прав. Вы сами так сказали.

– Я восстанавливаю права убитых вами существ на Раштукишасгоссе и слежу за процедурой рассмотрения дела. Вот описание процедуры, – он указал на одну из самых внушительных стопок. – А вот и заключения о смерти животных. – Другая кучка.

– Мы можем поговорить с защитой? – Сэм вспомнил, что Ганде Пу что-то говорил про защитника.

Ганде Пу долго молчал и не мигал. Сэму стало неуютно под бесстрастным взглядом.

– Защитнику некогда тратить на вас время. Его клиент – император Боку Раск. Животные, которых вы убили, принадлежали ему, как и сам заповедник.

Сэм похолодел. Выходит, на их права всем начхать?

– Но раз вы нас судите, разве мы не имеем права защищаться? – голос Лии дрожал от гнева. – Мы тоже живые существа. Номо Sapiens. Как же закон Ги-Стоупурна?

– Моя задача осведомить вас о начале процедуры и собрать подписи, – Ганде Пу достал из другого кармана и положил перед ними две оранжевые палочки. – Внесением новых биологических видов в реестр многообразия я не занимаюсь.

– А кто занимается? – Лия начала злиться.

– Ги-Стоупурн.

Сэм удивился. Он думал, что закону уже много лет, и его автор давно почил, но им же ничего не известно об этих рептилоидах, может, они живут по тысяче лет, или называют своих детей одним и тем же именем.

– С ним можно увидеться?

– Не думаю. Он встречается только с теми, кто внесен в реестр многообразия. Насколько я знаю, никого под названием «хомосапиенс» там нет. Весь список здесь, все семьсот тысяч восемьсот пятнадцать видов разумных существ Галактики, – он указал на самую высокую кучку бумаг.

– Но вы же спасли мою жену. Она была ранена, и вы ее спасли. Значит, вы отнесли нас к разумным существам? – Сэм пытался нащупать логику, но она все время ускользала.

– Я отнес вас к существам, нарушившим закон. Суждения о вашей разумности не входят в сферу моей компетенции. В соответствии с Законом Ги-Стоупурна о сохранении многообразия жизни и статьи девять восемь пять шесть шесть подпункт девять сорок, – Ганде Пу помахал очередной бумажкой, – любое разумное существо обязано оказать посильную помощь другому живому существу, нуждающемуся в помощи, невзирая на наличие у того интеллекта. К тому же было необходимо доставить вас на суд, а ваша, как вы ее называете – жена, находилась при смерти и не пережила бы телепортацию. Пришлось погрузить ее в гибернацию. Вот заключение врача, а также резолюция комиссии о подтверждении необходимости медицинского вмешательства. Ее смерть была недопустима.

– И поэтому вы отрастили ей ноги? – Сэма возмущал сам подход. Выходит, они спасли ей жизнь таким невероятно сложным путем только чтобы засудить?

– Восстановление конечностей и лечение заражения крови – простейшие процедуры, – сердито буркнул Ганде Пу. – Пришлось немного перестроить репликатор под вашу биохимию, но это все на уровне начальной школы. Наверное, поэтому вас и нет в реестре многообразия – вы слишком примитивны. В любом случае, моя задача осведомить вас о начале процедуры и собрать подписи, – повторил Ганде Пу. – За подписанными бумагами зайду завтра.

Ганде Пу засобирался. Сэм растерянно наблюдал, как он складывает документы обратно в портфель. Человечество колонизировало Солнечную систему, вышло в дальний космос, победило рак и создало разумных андроидов, а эта синяя ящерица заявляет, что это все примитив?

– Мы же общаемся и понимаем друг друга. Не так уж мы и примитивны, раз говорим с вами на одном языке.

Ганде Пу остановился и поднял голову. В его взгляде сквозила укоризна и даже в некотором роде забота, так мог бы смотреть родитель на неразумное дитя, только встающее на ножки. Дитя полно сил и радостным изумлением, но родитель знает, что стоит ему сделать пару шагов, как первое же препятствие свалит его с ног.

– Вам сразу были вживлены нейролингвисторы. Выучить наш язык самостоятельно вы бы не смогли.

Ганде Пу поднялся и направился к двери.

– Погодите, – Лия встрепелась, – а где мы вообще находимся?

– Великая Кандара, столица Союза наций.

Лия выглядела сбитой с толку. Ясное дело, ответ совершенно ничего не прояснил, кроме того, что в мире существует Союз наций, куда входит семьсот тысяч восемьсот пятнадцать видов разумных существ. И все они описаны и внесены в список.

– А как попасть в реестр многообразия? – Сэм опять вскочил.

Ганде Пу с готовностью вернулся, залез в портфель и вытащил пухлую папку. Что у него за бездонный портфель такой?

– Заполните анкету и прошение, все в пяти экземплярах. – Он разложил бумажки на столе. – Вашу просьбу рассмотрит специальная комиссия, а затем прошение отправят на согласование Ги-Стоупурну. Если он внесет вас в реестр, то назначит встречу. Но на вашем месте я бы не рассчитывал на это, – Ганде Пу застегнул портфель и выпрямился. – Судя по состоянию ваших организмов на Раштукишасгоссе и найденной рядом с вами примитивной технике, вы еще должны доказать разумность. И то, что вы были вдвоем без присмотра, в таком состоянии, тоже не идет на пользу. Возможно, придется подождать, пока специальная комиссия проведет ряд тестов.

– И сколько? – судя по тону, Лия не рассчитывала на скорое решение вопроса.

– Сложно сказать. В комиссии почти одни рилоптарианцы. Они любят взвешенные решения. Пару десятков лет, не меньше. – На пороге он обернулся. – Жаль, что вы не сможете насладиться великолепием Кандары. Пока вы не в реестре, вам можно находиться только в изоляторе.

Сэм так и стоял с открытым ртом, наблюдая, как Ганде Пу покидает комнату, а очнулся, когда Лия все-таки не удержала огромную стопку бумаг и все они свалились на пол.

– Ты что-нибудь понимаешь? – Лия пыталась разложить бумажки по кучкам. Сэм нагнулся ей помочь.

– Я понимаю, что у нас мало шансов стать семьсот тысяч восемьсот шестнадцатым видом разумных существ в ближайшие двадцать лет, – буркнул он.

– Укажите способ генетического кодирования, которым пользуется ваша раса. Укажите все цепочки РНК вашего фенотипа. – Она пошуршала бумажками. – Для перемещения в пространстве вы используете: а) телепортацию Фиуша, б) трансгрессивное кодирование, в) электрон-электрон копирование... Замечали ли вы за собой немотивированный страх при мыслях об обитателях Кианчады. Сноска: на вопрос могут отвечать только прошедшие психологическую аттестацию по методу Лиангорд-Басна. – Лия растерянно остановилась. – По поводу двадцати лет я бы тоже не была так уверена.

Они обследовали комнату – дверь не поддавалась, окон не было. Ничего похожего на вентиляцию или кондиционирование – тоже. Несмотря на это, воздух казался свежим и даже вкусным, словно доносился из фруктового сада. Еда неожиданно возникала на «столе», а пустые тарелки и чашки испарялись. Телепортация Фиуша?

Деваться было некуда – они подписали согласие в пяти экземплярах, Ганде Пу их забрал, и Сэм с Лией остались в серой комнате ждать суда. Интересно, что у них будут спрашивать? Отправят ли на психологическую аттестацию по методу Лиангорд-Басна?

Сэм и Лия посчитали, что сейчас поздний вечер и собирались заняться тем, что частенько делают супруги, оставаясь наедине в спальне. Все равно больше заняться было решительно нечем.

– Вам невероятно повезло! – голос Ганде Пу раздался совершенно неожиданно, и Сэм свалился с неудобного «лепестка», не удержав равновесие.

– В ваших устах это пугает, – Лия сползла с «лепестка», торопливо застегивая комбинезон.

Ганде Пу стоял у свежеобразовавшейся двери.

– Император Боку Раск проявил к вам личный интерес и оказал влияние на решение суда, – невозмутимо произнес Ганде Пу.

– А суд уже состоялся? – Сэм так удивился, что застыл на полу на пятой точке.

– Документы были подготовлены, тянуть не следовало, – торжественно сообщил Ганде Пу. – Но вам просто невообразимо повезло.

Лия помогла Сэму подняться.

– Специальная комиссия рассмотрит нашу разумность вне очереди? – пробурчала она.

– Что вы, это абсолютно невозможно, – отрезал Ганде Пу. – Вы возвращаетесь на Рашту-кишасгоссе. Вам доверено право экспоната.

Сэм опустил руку в воду и поболтал. Вода вполне настоящая – мокрая, прозрачная. Он даже слизнул каплю с руки – на вкус простая чистая вода. Озеро выглядело так, словно находилось на этом месте уже несколько сот лет и отлично вписалось в каменистый ландшафт. Надо бы нырнуть, Сэм был уверен, что оно глубокое.

– Там целая куча сухих пайков, – вернулась Лия. Она ходила проверять шаттл, когда Сэм так и не смог оторваться от созерцания воды. – И опреснитель собран и работает.

Сэм кивнул и разулся.

– Правда, он теперь, наверное, не нужен. Что ты делаешь?

Сэм разулся и снял брюки.

– Мы теперь зверушки в зоопарке, а зверушкам положено развлечение.

Он разбежался и прыгнул.

Часть четвертая. Все пропало и черт с ним

Через два месяца на маячок разбитого шаттла набрела экспедиция геологов с Земли. Оказалось, что после успешной миссии «Шакала» другим тоже захотелось пожить в церием и на планету хлынула толпа частных разработчиков. Команда «Армстронга» забрала Сэма и Лию на Землю.

Сэм размышлял, почему рептилоиды не защищают свой заповедник. Может быть, потому что *Homo Sapiens* не входит в реестр многообразия и поэтому не принимается в расчет? Да и потом, заповедник – это целая планета. Попробуй предусмотреть, кто еще свалится на нее с неба?

Сэм сначала не хотел улетать. Кому же захочется покинуть курорт – еды и воды неограниченный запас, знай себе плавай в озере, отдыхай, да занимайся сексом. Его убедила Лия, которая упорно настаивала на бесперспективности такой жизни. Сэм поразмышлял и согласился. Все-таки это не ферма на Юпитере, а он очень хотел подарить жене настоящий дом, а не разбитый шаттл.

Как только они сошли с «Армстронга», в земном космопорту Канаверал их арестовали. На вертолете переправили в Вашингтон и почти сутки держали в душной тесной камере, прежде чем предъявили обвинение: «Преступное пренебрежение регламентом, повлекшее за собой потенциальный риск для жизни и здоровья остальных членов экипажа». Сэм с Лией голову сломали, пытаясь понять, о чем речь. Они ведь не стали прорываться на «Шакал», а послушно свалили умирать. Так в чем же заключался риск для экипажа? Сэм решил, что разбогатевший капитан Смит не хотел ворошить историю с неудачной высадкой и пытался избавиться от ненужных свидетелей. Лия с ним согласилась.

Четыре месяца их возили из одной КПЗ в другую, меняли адвокатов и назначали предварительные слушания, которые всегда срывались в последний момент. То не смогли собрать все документы вовремя, то не хватало чьей-то подписи в акте по уликам, то вдруг срочно назначалось еще одно психологическое освидетельствование.

Когда Сэм рассказал про Союз наций и Великую Кандару, ему никто не поверил. Борьба за жизнь в тяжелых условиях кого угодно может довести до ручки и горячего бреда. В конце концов, Сэм и Лия сами засомневались в существовании Ганде Пу. Только вот Сэм никак не мог забыть, как отрезал жене ноги. Ему до сих пор снились сны, в которых он направлял на Лию бластер, но тут появлялся Ганде Пу, вручал ему толстую стопку бумаг и цитировал Закон Ги-Стоупурна. Закон Сэм забывал, как только просыпался, а вот звук, с которым бластер отрезал ноги, забыть не мог.

Еще через месяц предварительное закрытое слушание все же состоялось. Очередной назначенный государством адвокат надавал им кучу бесполезных инструкций и проводил в зал заседаний. Кроме подсудимых и их адвоката, в зале находились только обвинитель и судья. Сэм никак не мог понять, в чем конкретно их обвиняют. Все ходили вокруг да около, пока не всплыла улика обвинения: огромная запечатанная в вакуумную упаковку книга – «Полный регламент процедур и действий обслуживающего персонала шаттла типа RHFD, необходимых к выполнению при высадке экипажа геологоразведочных экспедиций на планетах категории 2А и 3Б», том шестой из восьми.

Тут то все и прояснилось. Их судили за «необдуманное использование необходимых для выживания ресурсов шаттла». Для Сэма это звучало абсурдно, ведь шаттл вышел из строя, и

никуда бы больше не полетел, к тому же там и использовать то было нечего, кроме сухих пайков на два месяца, да воды на пару недель. Но обвинитель настаивал, что Бёрки халатно разорили запасы шаттла, подвергая последующие экспедиции риску нарушить протокол высадки. Особенно его возмущали пятнадцать выданных из «Полного регламента» страниц.

Сэм считал, что автор этого чтива должен радоваться, что хоть эти пятнадцать страниц на что-то сгодились, потому что остальные уж точно пропали даром, но обвинитель все усугублял и плел, что Сэм Бёрк не осознает тяжесть вины, и что он лишил своих коллег-геологов ценных сведений, поставив их жизнь под угрозу.

Сэм кричал, что это подстава, требовал вызвать свидетелем капитана Смита с «Шакала», который допустил нарушение техники безопасности и бросил их умирать. Судья стучал молотком по трибуне, адвокат выговаривал Сэму, прокурор насмешливо наблюдал со своего места. Лия смотрела огромными печальными глазами. «Это конец» – думал Сэм.

Заседание прервали, и Бёрков отвели обратно в камеру под гневные упреки адвоката. Он остался, чтобы отчитывать клиентов даже через толстые прутья решетки, Сэм пытался сдерживать желание его прибить, Лия села в уголок и словно собиралась плакать.

Воздух в камере заколыхался. Из пустоты вышел Ганде Пу в неизменном черном костюме и портфелем в руках. Адвокат замолчал, разинув рот.

Сэму отчего-то стало весело. Он прошептал Лие:

– Телепортация Фауша.

– Или электрон-электрон копирование, – Лия привстала, во все глаза наблюдая за гостем.

– Приношу извинения, Бёрки, моя вина. Видимо, я недостаточно позаботился о вашем комфорте. Но пока император Боку Раск не обнаружил вашего исчезновения, необходимо срочно восстановить ваши права.

На прощание Лия помахала адвокату рукой.

Энрике Карузо самозабвенно пел для Сэма, прозрачного голубого неба, озера и двухэтажного особняка на месте разбитого шаттла. Голос доносился из колонки у шезлонга, и в библиотеке хранилось еще много записей Карузо и других певцов Земли и Марса за два века. Сэм попивал коктейль и наблюдал, как Лия возится с винтовкой для биатлона.

– Пойду немного покатаюсь, – она встала, и Сэм улыбнулся ее заметно округлившемуся животу. За домом расположился холм с искусственным снегом, канатная дорожка и лыжная тропа на две мили.

– Угу, – Сэм поправил солнечные очки и вытянулся на шезлонге. – Только осторожно. И недолго. Надо готовиться к тесту Ги-Стоупурна.

Эволюция (Павлова Виктория)

Тиамат готовился к этому событию целых четыре вспышки и затухания сверхновых. Но именно сейчас возникла совершенно иррациональная мысль о провале. Видимо, буфер памяти переполнился и выдавал ошибки. Мысли разбегались как мехи-уборщики, а чип биоритма ушел в перезагрузку. Как всегда, не вовремя.

Тиамат лихорадочно включил проверку всех систем. С задержкой одна сотая хронона все контуры доложили о готовности. Отвратительно. Для Верховного Созидателя такая задержка недопустима, а Тиамат намеревался достичь этого звания. Пусть не в ближайшее тысячелетие, но в его распоряжении все время мира. Если он не сдаст экзамен, так и останется простым андроидом, годным лишь пересчитывать газовые гиганты до конца существования.

Все антроиды его резервуара проявляли амбициозность, но, по словам профессора Сетха, Тиамат слыл самым ярым. Отогнав несвоевременную мысль, Тиамат сосредоточился на задаче. Выпускной экзамен по сотворению мира всегда считался одним из самых сложных, а профессора необходимо удивить, сотворить что-то новое, вызывающее, дерзкое.

Тиамат выпрямился и обвел бинокулярами фабрику по производству миров. Он был здесь на практике много раз, но, когда ты стоишь один посреди квантово-титановой протомассы для творения, ощущение величия захватывает дух. Паря посреди поля созидания, Тиамат пригляделся к платформам синтеза молекул, затем к Хронобашне для управления временем внутри творения, а следом к мосту для более удобного наблюдения. Практика завершилась, ему предстояло вдохнуть жизнь в настоящий мир.

Стояла полная тишина, и на экранах удаленного доступа к безграничной пустоте уже колыхались образы, похожие на газовое облако. Тиамат сам не заметил, как запустил процесс.

Туманная дымка обретала очертания, поглощая кванты энергии из вечного двигателя и материал протомассы из чанов. Над нестандартным применением молекул углерода Тиамат думал полный период полураспада радия¹. И теперь они сталкивались, делились, усложнялись. Живущая до сих пор лишь в воображении Тиамата галактика взрывалась сверхновыми, накапливая необходимые элементы и энергию в молекулах вселенной. Тиамат осознал, что слишком неопытен и вдохнуть жизнь в каждую солнечную систему не сумеет, да и, пожалуй, в рамках одной системы сделать это не сможет. Он сосредоточился на одной планете.

Спустя период полураспада церия² за спиной раздалось вежливое поскрипывание грудных пластин.

– Юный Тиамат, – проговорил Созидатель Сетх, важно сложив свои проторуки великого Творца. – Не хочется отвлекать тебя, но время экзамена вышло, меня ждет другой ученик. Ты готов продемонстрировать свое творение?

– Конечно, учитель, – Тиамат с сожалением остановился. Не идеал, конечно, еще так много хотелось сделать. Углеродо-водородная жизнь оказалась на удивление разнообразной, в отличие от привычной кремне-титановой протомассы. Тиамат вежливо посторонился. Перед Созидателем Сетхом он чувствовал себя молодой и неопытной звездой рядом с умудренным миллионами лет развития красным гигантом.

– Ну, посмотрим, что тут у тебя, – забормотал Созидатель, просматривая чипы визуализации. – Жизнь, основанная на окислении? Мутации? Электромагнитные поля? Хм, любопытный ход с гравитацией. Да и с жидкостью. Наконец-то что-то новенькое. Юный Тиамат, – Созидатель вскинул сверкнувшие бинокюляры на Тиамата, – тебе еще многому нужно научиться, но я готов засчитать экзамен.

¹ примерно 1600 лет

² 284 суток

У Тиамата побежали электрические разряды по кремниевым нейронам.

– Мне дадут должность настоящего Творца?

– Ну что ты, юный Тиамат, еще слишком рано говорить об этом, – Созидатель с интересом изучал новые формы жизни. – Безусловно, ты отлично проявил себя, такое разнообразие, но наделал много ошибок. Видно, что созданные тобой существа слишком хрупки, недостаточно чутко реагируют на необходимость эволюционных изменений и имеют слишком сложную молекулярную структуру. За период, равный половине жизни Звезды, которую ты создал, я вижу, что массовые вымирания различных видов случились уже пять раз. – Созидатель сокрушенно качал головой, а у Тиамата появилось ощущение, что у него отключили важную часть тела. И про какие именно виды говорит Созидатель? Ведь там просто колыбель жизни.

– Учитель, я уверен, что никто прежде не создавал столь сложные концепции жизни, – Тиамат гордо выпрямился, – я специально сверялся у Хранителя Времени и Пространства. Несколько кремниевых и одна водная цивилизация, Хронотроны и Титаны...

– Знаю, знаю, – Созидатель небрежно отмахнулся, неосторожно вызвав колебания пространства в мире Тиамата. Ось одной из планет немного сместилась, увеличив силу притяжения в системе. Планеты немного поменяли радиус вращения вокруг главной Звезды, вызвав цепную реакцию изменения силы тяжести, сейсмоактивность и уменьшение времени суток. Живые существа на обитаемой планете оказались на грани вымирания. Созидатель замер лишь на один период полураспада иттрия³, наблюдая за катастрофой вселенского масштаба, в то время как у Тиамата почти отказало безотказное титановое протосердце, качающее жизнегелий по трубкам и сосудам. Когда угроза миновала, Созидатель поскрипел грудными пластинами: – Да, в целом ты отлично потрудился. Смотрю, твои существа смогли выйти за пределы обитаемой планеты и даже за пределы своей системы.

Они вместе наблюдали за визуальным рядом освоения планет и спутников системы, за космической войной и заключением мира.

– Учитель, – протосердце Тиамата пропустило один цикл обмена жизнегелия. Тиамат решил, что произошел сбой в системе, но он не мог уйти, не отстояв свою работу. – Вы же видите, что мои создания доказали жизнеспособность, пережив великое множество катаклизмов.

– Да, в них есть... искра, – Созидатель задумчиво пролистывал визуализацию с самого начала. – Несмотря на все слабости, которыми ты их наделил, они способны выживать раз за разом. Твоя тяга к риску, притязания и заносчивость сделали их такими.

Система диагностики сообщила Тиамату, что протосердце по необъяснимой причине испытывает сильные перегрузки и рекомендовано к выключению и профилактическому осмотру. Тиамат отключил датчик тревоги и направил бинокли на Созидателя Сетха.

– Так я смогу стать Творцом? – уклончивость Созидателя вызвала у Тиамата замыкание контуров. Определенно понадобится полная профилактика.

Созидатель отступил на шаг и снова поскрипел грудными пластинами.

– Я дам вам задание, юный Тиамат. Ваши творения слишком слабы, им суждено погибнуть. Повторите свою работу, исключив ошибки. Посмотрим, к чему приведет такой эксперимент...

Неожиданно сработала тревога, и по всей фабрике разнеслось возмущение магнитного поля.

– Все творцы, что произошло? – Созидатель активировал антиграв и улетел к пульту коммуникации.

³ 64 часа

Тиамат кинул взгляд на экраны визуализации, наблюдая, как его создания строят вторую космическую цивилизацию, и побрел за Созидателем. В конце концов, он получит ответ на свой вопрос.

Созидатель считывал информацию с голоэкранов, одновременно проверяя системы безопасности Университета.

– Датчики фиксируют изменение ионного поля на границе с экспериментальной зоной, – начал Созидатель, но тут его перебили.

– Внимание, – низкочастотные колебания возмутили магнитное поле станции, – говорит Адмирал Садавар Соузер, космический флот объединенных сил Солнечной системы. Ваша станция окружена. Не вздумайте оказывать сопротивление. Сдавайтесь, и мы вас пощадим.

– Это... это... – у Тиамата вышли из строя бинокляры, и ему пришлось отправить срочный запрос о замене в лабораторию.

– Юный Тиамат, – в обычно бесстрастном голосе Созидателя Сетха слышались новые возмущения магнитного поля, – ты ведь встроил в них безусловное послушание Творцу?

– Нет, учитель, – Тиамат запустил резервную систему зрительных сенсоров. – Я не ожидал, что она мне понадобится.

– Хм, в таком случае необходимо задействовать Хронобашню. Верни их в докосмическую эру.

– Но учитель... – Тиамат был не согласен. Разве жизнь, обнаружившая своего Творца, не достойна хотя бы дружеского приветствия?

– Эй, на станции, – энергичные низкочастотные колебания проявляли нетерпение. – Мы собираемся пристыковаться. Советую не мешать, иначе снесем левое крыло.

Тиамат и Созидатель переглянулись. В левом крыле находилась лаборатория и электронная библиотека, содержащая в себе информацию о сотнях миллиардах лет развития вселенных и цивилизаций. Оборонительная система не сработала. Вероятно, просто отказала: ведь ей миллионы лет и за ней даже не следили. Они никогда и ни с кем не воевали.

Тиамат направился к Хронобашне. После такого провала Созидатель, скорее всего, откажется засчитывать экзамен, ведь Тиамат явно где-то допустил ошибку. Хранитель Времени и Пространства не упоминал о расах, которые решились вызвать на бой своих Творцов. Но повернуть все вспять? Уничтожить такой потенциал? Тиамат почувствовал непривычное искрение в области бинокляров, словно сухие слезы. Но неподчинение не имеет никакого смысла, Созидатель знает, что делает.

Тиамат настроил Башню и дал команду на хронопетлю.

– Эй, молчуны, – низкочастотный сигнал зазвучал угрожающе. – Мы заходим в ваш стыковочный люк. Ну и коряво у вас тут. Все не как у людей. Придется резать.

Созидатель Сетх посмотрел на Тиамата.

– Хронопетля не работает, – Тиамат опустил руки. Ни одна ментальная команда, которую он подавал, не исполнялась, хотя сообщение об ошибке не поступало. Впервые за все свои планетоциклы Тиамат не мог просчитать дальнейшие действия. Он не знал, что случится дальше. – Как такое может быть, учитель?

– Хм, – Созидатель мигнул биноклярами, словно они у него тоже вышли из строя. – Есть только одно объяснение. Я слышал об этом от предыдущего Хранителя Времени и Пространства.

– Предыдущего? – Тиамат склонил голову. – Но теперешний Хранитель был всегда.

– Не всегда, – резко ответил Созидатель, вызвав слишком сильное колебание магнитного поля вокруг себя. Это было совершенно не похоже на обычное поведение учителя, и Тиамат решил, что у того вышла из строя парочка контуров. – Один полураспад плутония⁴ назад суще-

⁴ сильно много млрд лет

ствовал другой Хранитель. Он берег историю о расе, которая добралась до своего Творца и уничтожила его, желая стать самыми могущественными существами в обозримой вселенной.

– Но творцы живы, учитель. Мы живы, – Тиамат отметил, что еще несколько контуров вышло из строя, не в силах обработать новую информацию.

– Нет, юный Тиамат, даже Творцы не вечны. Мы убили предыдущих Творцов и заменили их. Это возможно только в одном единственном случае – если созданные существа сами научились творить жизнь. Поэтому Хронобашня сейчас не действует, ведь на создателей не распространяется относительность времени.

Тиамата накрыло отключение критических систем, и он не смог ответить. Но новая система зрительных контуров работала отлично. Кусок стены в дальней части фабрики вспыхнул и расплавился. В проем шагнуло существо, созданное Тиаматом из сложной смеси водорода, углерода, железа, белка и прочих молекул, над взаимодействием которых Тиамат трудился так долго и кропотливо.

– Ну что скромняги, домолчались? – в знакомом низкочастотном колебании звучало удовлетворение. Существо с любопытством оглядело фабрику. – Надо же, почти как дома. – Тут он заметил Тиамата и его учителя и двинулся к ним. – Я смотрю, вы еще и кроткие, как овечки. Что ж, будем знакомы. Репликант пятого поколения, лаборатория Биотех, Монтана, Садавар Соузер эр икс один восемь четыре шесть к вашим услугам. Теперь я тут главный.

Таруко (Анна Янг)

Меня разбудил противный скрежет оконного вентилятора. Лопасты провернулись еще два раза, вентилятор скрипнул, чихнул и сдох. Черт с ним, все равно толку не было.

Вздыхнув, я устала в потрескавшийся потолок с великолепным узором из пыли, перегоревшего топлива шаттлов и другой космической тухли, о которой лучше не думать. Как же тут грязно! Хотя чего еще ожидать от перевалочной луны на орбите одной из самых популярных туристических планет?

Я скинула с себя промокшее от пота одеяло и поплелась в душ, смывать налипшую космическую пыль жесткой водой с металлическим вкусом.

Радовало одно: сегодня я, наконец-то, вернусь на Йорро, а там до дома – рукой подать.

Собралась быстро – задерживаться в грязном мотеле не хотелось ни мгновения. Перед кривым зеркалом провела по коротким жестким волосам: и как только поддавалась на уговоры покраситься в фиолетовый? Взяла походную сумку и покинула клоповник.

Жар палящей звезды на улице был нестерпимым. На Таруко атмосфера плотнее и жара меньше, а на перевалочном спутнике никто не заботится о радиации. Огромные грузовые и скромные пассажирские шаттлы носились над головой, разогревая воздух сильнее. Они сигналили друг другу, снижая и набирая скорость и высоту, подрезая друг друга. Хаотичное движение вызывало головную боль.

Синий пассажирский шаттл резко снизил высоту, вызывая гул клаксонов, сигналок и ругань пилотов. Передо мной остановилась развалюха времен основателей, похожая на синий ржавый батон с окнами. Надежда охладиться под кондиционером безрадостно погибла, вызывая новый приступ головной боли. О, сингулярность Хокинга, за что мне это?!

Смердящий топливом, тархтящий шаттл подпрыгивал на каждой воздушной кочке и дребезжал так, словно вот-вот развалится. Я вцепилась в твердую пластиковую ручку на двери. На войне и не так трясло, но позорно погибнуть в такой дыре, когда за спиной третья межгалактическая... А пилоту, казалось, было все равно. Он не обращал внимания ни на воздушные кочки, ни на сигналы других шаттлов, ни на меня. Всю дорогу до телепорт-станции подпевал шипящим динамикам и курил. Дым сигарет не скрыл вони топлива, он сделал его резче, так что во рту появился вкус горелой резины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.